Книга Г.П. Щедровицкого «На перекрестке мысли» – фундаментальный труд, формирующий традицию радикальной методологической рефлексии, с которого рекомендуется начинать знакомство с наследием автора. Она не только систематизирует основные идеи СМД-методологии, но и демонстрирует сложность и многомерность отечественной философско-методологической мысли второй половины XX в.

Институт философии РАН **Ж.К. Загидуллин**
autist2000@mail.ru

Т.И. Ойзерман. *Запечатленное время. Автобиографические заметки*. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 422 с. ISBN 978-5-98712-42406.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-231-235 УДК 1(091)

Существуют люди, о которых можно с уверенностью сказать, что без них отечественная философия была бы другой. Не всегда это комплимент. Так, без Сталина советская философия, вероятно, претерпела бы существенные изменения, но его отсутствие, надо полагать, пошло бы ей только на пользу. Теодор Ильич Ойзерман – один из тех людей, о которых можно смело сказать, что без них отечественная философия была бы именно *хуже*.

Как организатор Теодор Ильич имеет много заслуг, но для меня среди них выделяется то, что он фактически создал как кафедру истории зарубежной философии философского факультета МГУ (с. 177), так и сектор истории западной философии Института философии РАН (с. 273) в их современном виде. В качестве исследователя его можно было бы характеризовать как автора классических работ о марксизме, немецкой классической философии и метафилософии, но в контексте обсуждения этой книги, пожалуй, более подходящей характеристикой будет то, что

© Юнусов А.Т., 2025

он, видимо, был настолько хорошим ученым, – историком философии и, собственно, философом, – насколько это было возможно в обстоятельствах времени и страны.

Оговорка об обстоятельствах времени и страны прямо навеяна содержанием этих автобиографических заметок. В содержательном плане их отличает самокритичность, порой граничащая с беспощадностью к самому себе. Книга начинается с указания, что она написана, чтобы попытаться показать, что Теодор Ильич «не сволочь» (с. 14) читателю, который мог бы заподозрить его – еврея, сделавшего головокружительно блестящую академическую карьеру в эпоху государственного антисемитизма и в научной области, в которой более чем где бы то ни было еще царили пропаганда, идеология и бездумное начетничество – в не самых лучших человеческих качествах. Объяснив свои успехи прежде всего невероятной работоспособностью («в молодости я работал обычно по 14 часов в сутки […]. Да и сейчас в свои 93 года […] 5–6 часов», с. 14), автор тут же признает, что он сам был «оболванен марксистско-ленинской идеологией», «бездумно повторял явно противоречащие здравому смыслу утверждения Ленина», «не понимал *нелепости* этих высказываний “классика”», «пропагандировал их, внушал своим читателям и слушателям» (с. 15–16). Тема собственного догматизма (а в философии Ойзерман на протяжении большей части своей жизни вполне искренне был ортодоксальным марксистом) и постепенного, долгого и мучительного расставания с ним – важная линия в «Запечатленном времени» (см., например, с. 196–197; 209; 249; 264–265; 287; 300; 325; 337–342; 345–349).

Ортодоксальный марксизм и догматизм, впрочем, не тождественны сну разума. Повествование «Запечатленного времени» свидетельствует об искреннем и остром исследовательском уме Ойзермана, не готового просто проглатывать расхожие в советской философии лозунги и позиции в силу научного или тем более политического авторитета высказывающих их лиц. На протяжении всей своей карьеры, начиная с дискуссии о реакционном характере немецкой классической философии в связи с партийной проработкой «Серой лошади» (с. 168–172), Ойзерман имел и в меру своих сил отстаивал собственное мнение

по горячим для советской философии вопросам, почти неизменно (некоторые исключения: с. 194; 223) предпочитая то, что казалось ему научной истиной, политической или личной целесообразности (с. 188–190; 191–192; 220–222; 296; 325–326).

Сочетание этого живого ищущего ума и некритически воспринятой марксистской догматики, укрывающейся от взгляда этого ума – это отдельная интересная тема «Запечатленного времени». Ойзерман почти не проговаривает ее эксплицитно, но читателю ее трудно не заметить; как трудно и не задаться вопросом о том, насколько большего в теоретическом плане мог бы достичь столь талантливый и работящий исследователь, не будучи ограничен в силу обстоятельств рождения и воспитания идеологической рамкой, которую он в свое время оказался не в состоянии поставить под вопрос.

Неготовность отдавать собственное мышление на откуп другим ожидаемо служила в советских условиях источником конфликтов, которые в обилии и интересных подробностях описаны в книге (например, с. 242–244; 308–312). Среди них выделяется, пожалуй, конфликт с профессором Белецким – как своей продолжительностью и драматургией, так и самой фигурой Белецкого, агрегирующей все худшее в советской философии середины XX в. (с. 167–208)[1]. Победа Ойзермана в этом столкновении тем отраднее, что она была, к сожалению, не гарантирована и в общем-то явилась скорее результатом череды случайностей: ее продиктовали не здравый смысл, теоретические доводы или институциональные соображения, а контингентные исторические и политические обстоятельства. Впрочем, едва ли могло быть иначе в стране, где дискуссию о природе истины на философском факультете МГУ заключал веский вердикт 3-го секретаря райкома партии: «Вопрос о том, что такое истина, решает ЦК ВКП(б)» (с. 192).

---

[1] Друг и соратник Трофима Лысенко, серийный доносчик, инициировавший в т.ч. знаменитую «проработку» третьего тома «Серой лошади» (с. 168–170), автор таких глубоких замечаний, как «[…] рабовладельческая философия […] выросла из рабовладельческого базиса в качестве мировоззрения рабовладельцев» (цит. по с. 171), – вот лишь некоторые характеристики профессора Белецкого.

В книге присутствуют значительные по объему разделы, повествующие о детстве, студенчестве и фронтовых годах жизни Ойзермана, однако наибольший интерес, кажется, всё-таки представляют воспоминания о послевоенной академической жизни Теодора Ильича. Они являются ценным источником для реконструкции жизни философского факультета МГУ, Института философии АН СССР и советской Академии наук в целом. Кроме того, они богаты событиями и – в еще большей степени – интересными персоналиями, с которыми довелось в тех или иных обстоятельствах иметь дело Ойзерману. Перед читателем проносятся сильно различающиеся по подробности, но всегда весьма любопытные рассказы об Ильенкове (с. 204–207; 300–301; 308–309; 312), Маркузе (с. 245–246), Сартре (с. 266–268), Альфреде Айере (с. 249; 291), Жане Ипполите (с. 249–250; 253), Поппере и Гадамере (с. 251–252), Хоркхаймере (с. 278–279), Хабермасе (с. 279–281; 287; 303–304) и многих других философах. Поскольку Ойзерман был не только ученым, но и административным работником, к галерее философов добавляется галерея видных советских политических функционеров: Г.Ф. Александров (с. 169–176; 197–200; 203–204; 212; 218–222), А.Н. Косыгин (с. 224; 243–245 и отдельная статья в приложении: с. 359–380), А.Н. Яковлев (с. 312–319) и т.д.

Много в воспоминаниях Ойзермана также и любопытных бытовых деталей. Так, занятно, сколь большое место в книге занимают отчеты о том, что Теодор Ильич ел и пил в таком-то и таком-то месте (особенно за рубежом). Видимо, память непривычного к разнообразию продуктов советского человека крепко держит в себе исключительные гастрономические детали.

Несколько досадно, что по мере приближения к настоящему моменту повествование «Запечатленного времени» ускоряется, и если еще в середине книги (50–60-е гг.) между главками, на которые разбит рассказ, могло проходить всего несколько недель или месяцев, ближе к концу (70-е, 80-е и особенно 90-е гг. и далее) шаг между ними часто вдруг увеличивается до 4–5 лет.

Основной текст воспоминаний сопровождается кратким предисловием И.Т. Касавина, двумя приложениями (уже упомянутой статьей о Косыгине, с которым Ойзерман был близко знаком, и послесловием Н.А. Касавиной), а также большой

подборкой фотографий из личного архива Теодора Ильича. Для историка философии «Запечатленное время» будет хорошим источником сведений о внутренних подробностях устройства советского научного истеблишмента и контролирующего его административного аппарата. Для остальных эта прекрасно написанная книга будет просто увлекательным чтением.

Институт философии РАН **А.Т. Юнусов**
forty-two@mail.ru

Р.С. Гранин. *Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2024. – 126 с. ISBN 978-5-98712-446-8.

DOI: 10.21146/0134-8655-2025-40-2-235-238 УДК 1(091)

Книга Романа Гранина «Эмиль Чёран. Приближение к ускользающему философу» действительно является первым приближением – это первая монография о румыно-французском эссеисте и мыслителе-пессимисте на русском языке. Творчество Чёрана не раз привлекало внимание зарубежных авторов (перечень румыно-, франко- и англоязычных монографий, посвященных «культовому философу», приводится во введении к книге). Лишь одно из исследований – «Забытый фашизм. Ионеско, Элиаде, Чоран» («Cioran, Eliade, Ionesco. L'oubli du fascisme: trois intellectuels roumains dans la tourmente du siècle») Александры Ленель-Лавастин – было переведено на русский язык и опубликовано в 2007 г.[1]; в его фокусе – спорное прошлое «великих парижских румын» и прежде всего их политические взгляды 1930-х гг.

Небольшая по объему работа Гранина посвящена не философии (автор не ставит задачи проанализировать или рекон-

[1] Александра Ленель-Лавастин, *Забытый фашизм. Ионеско. Элиаде. Чоран* (М.: Прогресс-Традиция, 2007).

© Ворожихина К.В., 2025